16 сентября 1944 года

Девушка не та, за кого себя выдает.

По большей части она совершенно непримечательна: она обижается на Малфоя, закатывает глаза на дряхлость Диппета и, кажется, лишь немного выше среднего уровня в учебе. Но, несмотря на ее не слишком вдохновляющую нормальность, я не могу избавиться от ощущения, что у нее есть какая-то тайна. Слишком много несоответствий в ее манерах, воспоминаниях о прошлом - вряд ли кто-то еще обратил на это внимание, учитывая тошнотворное самолюбование, царящее в этой школе. Но я-то точно заметила. И я не могу не задаться вопросом: что она скрывает?

Она говорит, что шесть лет прожила во Франции, но ее французский едва ли можно назвать проходным. Нотт, чья бесполезность до сих пор оставалась непревзойденной, с трудом сдерживал смех, когда пытался завязать с ней разговор. Малфой, конечно же, не смог стерпеть оскорбления и с помощью кулаков отомстил за честь девушки. Честно говоря, он как будто забыл, что у него есть палочка - это просто варварство. Не знаю, зачем я пытаюсь его чему-то научить: он редко стоит усилий.

Но девочка.

Она вздрагивает всякий раз, когда Лестрейндж прикасается к ней. Сначала я не был уверен - думал, что мне показалось, но нет. Она есть. Сегодня за завтраком, когда он передавал ей соль, он провел пальцами по ее запястью, и она выглядела... в ужасе. Что странно - у Лестрейнджа нет никаких способностей, кроме дыхания. Безобидный" - это, пожалуй, даже слишком мягкое прилагательное для него, так почему же она так отреагировала?

А тут еще ее отношения с Альбусом Дамблдором. Ее дядей. Он не оказывает ей никаких преференций, не то что гриффиндорцам, что само по себе удивительно. В конце концов, кумовство - это его специальность. Однако они не так уж часто разговаривают друг с другом. А если и разговаривают, то как-то неуклюже и неловко, словно они незнакомы. Не думаю, что она лгала, когда говорила, что они не особенно близки, - что любопытно, потому что я всегда считал Дамблдора патетически сентиментальным человеком, который дорожит такими нелепыми вещами, как семья, храбрость, честь и... ну. Его отношение к девушке неожиданно, но его можно объяснить тем, что она оказалась Слизерином. Он действительно активно презирает всех нас.

Еще одно несоответствие.

Она - ужасный Слизерин. Единственный человек, с которым она разговаривает хоть сколько-нибудь вежливо, - это Малфой, и мне, честно говоря, жаль ее за это, поскольку он абсолютный имбецил, но это еще один аспект ее личности, который не имеет для меня смысла. Она не неинтеллигентна. На уроках она держится очень спокойно, особенно когда задают вопросы, как будто не хочет, чтобы ее заметили, как будто она не может знать правильный ответ, но

когда к ней обращаются, она всегда его знает.

Я не знаю, что с ней делать.

Я не люблю загадки.

--TMR

Мне снился сон.

Был яркий, прекрасный осенний день, деревья на территории школы представляли собой буйную мозаику из желтых, оранжевых и красных цветов. Воздух был хрустящим, небо ясным, а ветерок доносил завораживающий земной аромат опавшей листвы и свежесрубленных дров. Рон и Гарри шли рядом со мной, их голоса сливались воедино и были практически неразличимы. Я была счастлива. Мне было уютно. Я была дома.

"В этом году Слизнорт снова устраивает вечеринку в честь Хэллоуина", - хмуро говорил Гарри. "Он хочет, чтобы я привел с собой пару".

Рон покраснел и нервно ослабил галстук. "Почему бы тебе просто не привести Гермиону?"

Они оба повернулись ко мне.

"Потому что я уже приглашен", - сказал я, закатив глаза. "И я должен сам найти себе пару".

Гарри застонал. "Кого я могу попросить, Миона? Парвати больше не подойдет ко мне, после того случая на Йольском балу, а я не думаю, что смогу слушать болтовню Лаванды столько часов, когда я едва сдерживаюсь, чтобы не задушить ее за завтраком".

"Ты всегда можешь спросить Джинни", - предложила я, хихикнув, когда выражение лица Рона стало грозовым.

"Не могу", - ответил Гарри, покачав головой. "Она ведь идет с Дином, не так ли? Хотя почему он вообще приглашен, я не имею ни малейшего представления".

Я ухмыльнулся его сдержанности и потянулся вверх, чтобы поправить шарф, но тут же удивленно вскрикнул, когда Гарри дернул за конец шарфа, закручивая его над моей головой, чтобы было легче разматывать.

"Что смешного, Миона?" - поддразнил он и захихикал, когда Рон начал разворачивать мои плечи, умудрившись зацепить мои волосы за трепещущую кашемировую ткань. "Тебе ведь еще нужно найти себе пару. Кого ты собираешься пригласить? Маклаггена? Захариаса Смита? Может быть, Забини? Нет! У меня есть Малфой!"

Но Рон всё ещё кружил меня по кругу, и мой рот был наполовину закрыт шарфом, скрывая смех, и у меня кружилась голова, я почти терял сознание, когда что-то тёплое, чудесное и совершенно знакомое прорывалось в мои вены...

Я проснулась, задыхаясь, и судорожно огляделась, прежде чем поняла, что да, да, я все еще одна, и да, да, вешалки вокруг моей кровати все еще были темно-зелеными, не красными, не золотыми, это был не дом, и я громко выдохнула, звук получился тягучим, задушенным, с силой вырвался из моих легких, а потом я начала плакать.

Потому что это было несправедливо. Потому что я не должна была находиться здесь, на этой огромной кровати с простынями не того цвета, потому что мне не место здесь, в окружении незнакомцев, вопросов и угрожающего, чрезмерно любопытного Тома Риддла. Я не заслужил этого. Это было несправедливо. Всю свою жизнь я делал все правильно. Это было несправедливо.

Я злобно потерла глаза, так как они снова начали щипать. Что же мне делать? Несмотря на слова Дамблдора, я знал, что не могу оставаться здесь, в этом времени, бесконечно долго. Я мог изменить все, казалось бы, незначительные вещи. Я могу разрушить будущее. Одним неверным шагом я могу разрушить свою жизнь, жизнь моих друзей и все, что мы так старались защитить. И очевидные намеки Дамблдора на то, что непонятная мутация судьбы привела меня сюда по очень конкретной причине, были не просто смехотворны.

Это было безрассудно. Это было безответственно. Это было чертовски глупо.

А что, если кто-то узнает? Что, если Том Риддл продолжал наблюдать за мной с тем самым задумчивым блеском в глазах? Что, если он догадается? Это было бы катастрофой, если бы кто-то узнал, откуда я на самом деле. Хуже было бы, если бы это был он.

Я снова улеглась в постель, потирая щеки тыльной стороной ладони. Прошел месяц. Целый месяц с тех пор, как я проснулась, растерянная и дезориентированная, с тремя сломанными ребрами и мучительной, непоколебимой уверенностью, что что-то не так. Поначалу я был так оптимистичен. Я думал, что Дамблдор знает, как меня вернуть. Я думал, что он сможет все исправить, все исправить, и я смогу быстро вернуться в свое время.

Но я ошибался.

Перевернувшись на спину, я зарылась лицом в подушку. Это было невозможно. Я знал, как работают путешествия во времени. Я знал, что прыжок на пятьдесят лет назад - это очень серьезно, и я, наверное, даже не смогу понять, что это такое. Но сейчас я не мог об этом беспокоиться. Я хотел уйти. Я хотела домой. Я хотела снова увидеть Гарри и Рона. Я хотела оказаться в мире, где Волдеморт все еще мертв, а не сидит напротив меня за завтраком, выглядит слишком привлекательно и задает ненужные вопросы.

Потому что я был уверен, что он что-то подозревает. Я из кожи вон лезла, чтобы вписаться в общество, не привлекать к себе внимания; я молчала на уроках, писала нарочито посредственные эссе и позволяла Абраксасу Малфою носить мои книги в библиотеку. Я был вежлив со всеми. Мне даже удалось привыкнуть к Эдмонду Лестрейнджу. У меня все было так хорошо. У меня все было так хорошо. Почему же тогда Том Риддл смотрел на меня так, словно я была особенно раздражающей головоломкой, которую он был намерен разгадать?

Внезапно шторы вокруг моего балдахина распахнулись. Я моргнула от внезапного натиска света.

"Гермиона, тебе нужно встать!"

Я вздрогнула. Мелания Макмиллан была отвратительна. Поистине, ужасающе отвратительна. Единственная женщина-семикурсница Слизерина, она была бледнокожей и пухлой, с пронзительным, немного язвительным голосом и склонностью к жестокости. Она с удовольствием перечисляла мои недостатки, презрительно фыркая при каждом взгляде на меня - я была слишком худой и слишком откровенной, у меня были ужасные волосы и пепельная кожа, - и я избегала ее при любой возможности.

"Ты уже приняла душ?" спросила я, со вздохом перекидывая ноги через край кровати.

"Конечно", - надменно усмехнулась она, взяв расческу и проведя ею по своим длинным черным волосам. "Я уже целый час на ногах. Не все хотят проводить весь день в постели".

"Я устала", - защищаясь, ответила я и направилась в ванную.

"А что? Опять засиделась допоздна?" - мило передразнила она.

Я взяла полотенце. "Я занимался", - выдавил я из себя.

Она скривила губы. "Абраксас не учится, Гермиона", - огрызнулась она. "Может быть, если бы ты не снимала трусики, чтобы поговорить с ним, ты бы знала это и смогла придумать более подходящее оправдание".

Я сжал челюсть. "Ну почему, Мелания, я и понятия не имел, что тебя так интересуют мои трусики", - пробурчал я, распахивая дверь в ванную и поворачиваясь, чтобы нахмуриться.

"Не знаю, почему он тратит на тебя свое время", - фыркнула она, подхватывая сумку и перекидывая ее через плечо. "Он мог бы добиться гораздо большего".

Но прежде чем я успела в сотый раз ответить, что он вряд ли был со мной, она выскочила из комнаты.

"Мерзкая, мерзкая девчонка", - сердито проворчал я, раздеваясь до пижамы и шагая в душ. Я убедился, что вода почти до боли горячая.

Но к тому времени, как я добрался до общей комнаты, было уже половина восьмого, и большинство людей уже ушли на завтрак. Абраксас Малфой, однако, стоял у камина и терпеливо ждал, когда я выйду из женского общежития.

http://tl.rulate.ru/book/4143/120683